

Цикл
Александра Михайловского
Александра Харникова

АНГЕЛЫ В ПОГОНАХ

Царьград

Путь в Царьград
Афинский синдром
Встречный марш
Время русских

Варяг

Рандеву с «Варягом»
Петербургский рубеж
Мир царя Михаила

Однажды в октябре
Время собирать камни
Вся власть Советам!

Крымский излом
Прорыв на Донбасс
Ветер с востока

Александр Михайловский
Александр Харников

**ВРЕМЯ
РУССКИХ**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М69

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 80

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**М69 Михайловский, Александр Борисович
Харников, Александр Петрович**

Путь в Царьград: Бремя русских: роман / Александр Михайловский, Александр Харников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-094963-2

Война закончилась, но бои продолжаются. Югороссия — страна, появившаяся на карте мира после победоносной для России войны с Турцией 1877 года, начинает государственное строительство. При этом она оказывает активную помощь идеями и кадрами Российской империи, в которой правит сейчас новый монарх — царь Александр III. И похоже, что прозвище «Миротворец» ему в этом варианте истории не получить.

Экспедиционный корпус русских войск под командованием генерала Скобелева начал поход в Персию. С помощью Югороссов готовится восстание в Ирландии, чтобы раз и навсегда скинуть ненавистную для жителей Зеленого острова власть англичан. А побежденные в Гражданской войне конфедераты собираются взять реванш за поражение. История все больше и больше становится непредсказуемой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-094963-2

© Александр Михайловский,
Александр Харников, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Авторы благодарят за помощь
и поддержку Юрия Жукова и Макса Д
(он же Road Warrior).*

Пролог

Есть такое выражение — затишье перед бурей. Да и какое там затишье! Война за освобождение Балкан от османского ига закончилась, но продолжают греметь выстрелы и литься кровь.

Мир, взбаламученный появлением на политической карте нового государства — Югославии, тревожно замер. Куда теперь понесет этих неутомимых и таинственных югославов, для которых превратить в руины могущественную империю с многовековой историей — проще пареной репы.

Британия повержена, Австро-Венгрия с замиранием сердца ждет решения своей участи, Германия, заключив союз с Россией, вождельно поглядывает на обмершую от страха Францию.

Неспокойно и на другом берегу Атлантики. САСШ, страна, которая едва-едва пришла в себя после кровопролитной Гражданской войны и закончила Реконструкцию, еще не подозревает, что разгромленные конфедераты уже готовы взять реванш за поражение. А ирландцы, ненавидящие своих вековых угнетателей, — мечтают о свободе. И не только мечтают. Они активно готовятся к решающей схватке с одряхлевшей Британией, которой правит выжившая из ума королева.

На обломках поверженной Османской империи возникло новое государство — Ангорский эмират, во главе которого встал бывший султан Абдул-Гамид. Экспедиционный корпус русских войск под командованием «Акпаши» — генерала Скобелева, готов выступить в поход,

Александр Михайловский, Александр Харников

который до смерти напугает британцев. Но целью этого похода будет не Индия. России не нужны лавры Александра Македонского. Она заботится о своей растущей экономике.

Словом, нет мира на земле, хотя и войны вроде бы нет. Все впереди.

А пока Россия копит силы, ибо, к сожалению, единственное, с чем сейчас считаются в этом суетном мире — это сила. Ведь еще нет ни Лиги Наций, ни ООН, и все противоречия между государствами решает исключительно она — грубая военная сила. Закон джунглей царит также и в политике, и в экономике. И чтобы выжить в этом мире, надо всегда иметь под рукой оружие. И верных союзников. И то и другое у Российской империи теперь есть...

Часть 1

РАЗМИНКА ПЕРЕД СХВАТКОЙ

*1 сентября (20 августа) 1877 года. Утро.
Петербург. Аничков дворец. Кабинет императора.*

*Присутствуют: царь Александр III,
контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов,
промышленник Николай Иванович Путилов,
профессор Дмитрий Иванович Менделеев,
князь Михаил Иванович Хилков,
финансист Николай Христианович Бунге*

За окнами царского кабинета было видно еще полетному голубое небо. Природа лишь готовилась встретить осень. Минуло жаркое и бурное лето, перевернувшее весь ход истории, как лемех плуга, перевернувший пласт жирного, как масло, чернозема. Началась новая история России и всего мира. Войны, похоже, уже закончились, а мирные дела еще только начинались.

— Господа, — император внимательно посмотрел на тех, кто сидел за большим круглым столом в его кабинете, — я пригласил вас сюда, чтобы сказать вам следующее, — Александр III помолчал с минуту, а потом продолжил: — Экономическое развитие Российской империи должно быть ускорено. Нам надо наращивать нашу экономику и развивать промышленность настолько быстро, насколько это возможно. Благополучие нашего народа, устойчивость наших финансов и конкурентоспособность наших товаров должны возрасти с той же скоростью, с какой мы будем увеличивать наши

производственные возможности. Один великий человек однажды сказал, что Россия должна пробежать за десять лет тот путь, который другие государства прошли за столетия. Иначе ее сомнут.

Сейчас мировые державы находятся в шоке и в некотором расстройстве от самого факта появления на свет Югороссии, младшей, но могучей и энергичной, скажем так, нашей сестры. Но этот шок скоро пройдет, и тогда, возможно, нам придется противостоять объединенным силам Европы и Америки. Когда это случится — не знаю. Но я могу предположить, что уже через пятнадцать-двадцать лет мы должны быть готовы к подобному развитию событий.

— Ваше императорское величество, — спросил князь Хилков, — вы говорите о будущей войне со всей Европой? А как же тогда тот союз, который мы заключили с Германией, Данией и Швецией?

— В жизни нет ничего вечного, Михаил Иванович, — ответил император. — Союзы — как люди, они живут и умирают. Сей договор даст нам те требуемые пятнадцать—двадцать лет для мирного развития. Можете спросить у Виктора Сергеевича — он подтвердит вам, что политика стран часто меняется под влиянием экономических конъюнктур. Сегодня они одни, а завтра — другие. И тогда договоры под влиянием изменений в политике становятся просто ничего не значащей бумажкой.

— Именно так, — кивнул контр-адмирал Ларионов, — как ни прискорбно это сознавать, но господин Маркс констатировал: «капитал при 100 процентах попирает все человеческие законы, при 300 процентах — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». А самое прибыльное дело, как известно — это грабеж соседа. Маржа при этом доходит до тысячи процентов, и кружит головы финансистам и промышленникам сильнее, чем виски. Исходя из этого, мы и должны строить нашу внутреннюю и внешнюю политику.

— Вот видите, — сказал император, — для того, чтобы быть в любой момент готовыми отразить натиск алчных соседей, мы просто обязаны сделать нашу страну сильной во всех отношениях.

Александр III сел в кресло, которое под ним жалобно скрипнуло, и открыл большой кожаный бювар с императорским гербом и монограммой.

— Я хочу выслушать ваше мнение, господи, — сказал он, — Николай Христианович, вы ознакомились с теми бумагами, которые были отправлены вам из моей канцелярии?

Николай Христианович Бунге не спеша встал и степенно кивнул аккуратной белой бородой, мало похожей на ту лопату, которую пытался отрастить себе новый самодержец.

— Да, ваше величество, — сказал он, — я внимательно прочитал присланные вами документы. Скажу сразу — они меня потрясли. Многое из того, что я узнал, рассеяло мои иллюзии, которые я питал в молодые и зрелые годы. Либерализм — это тупик в развитии общества. Я полностью разделяю проект дальнейшего развития экономики и финансов Российской империи и готов принять советы от моих коллег из Югороссии, тем более что по тому, как были подготовлены предоставленные мне документы, я почувствовал, что они прекрасно знают свое дело.

— Господин адмирал, — обратился Бунге к Ларионову, — я хочу выразить в вашем лице восхищение блестящим анализом мировой экономики и прогнозом ее развития на ближайшие лет десять-пятнадцать. Многое, о чем я только подозревал, мне стало абсолютно ясно и понятно.

Ларионов кивнул, а Бунге, посмотрев на императора, закончил свою речь:

— Ваше величество, поверьте мне, интересы моей Родины, каковой я почитаю Россию, для меня всегда стояли на первом месте, и я ничуть не жалею о моих иллюзиях, с которыми мне пришлось расстаться вчера вечером.

— Ну, вот и замечательно, Николай Христианович, — удовлетворенно заметил Александр. — Но я должен сразу же предупредить вас, что обязанностей у вас теперь будет столько, что я всерьез опасаюсь — хватит ли у вас сил с ними справиться. Вам надолго придется забыть и о преподавании и о ректорстве в вашем любимом Киевском университете Святого Владимира. Что поделаешь, способных, грамотных и честных управленцев у нас не так уж и много.

— Работой меня не испугать, ваше величество, — с улыбкой сказал Бунге, — думаю, что справлюсь. Мы, немцы, народ трудолюбивый. В этом мы чем-то похожи на русских, и потому, наверное, прекрасно уживаемся друг с другом. Только там, где русский берет все напором и смекалкой, немец добивается упорным кропотливым трудом.

— Вот такие мы похожие и непохожие, Николай Христианович, — улыбнулся император. Потом он снова стал серьезным и сказал: — Заниматься же вам придется двумя вещами. Первое — это финансы, которые, как говорит Виктор Сергеевич, у нас поют романсы. Они находятся в крайне расстроенном состоянии, и необходимо их срочно привести в порядок. Второе — это крестьянский вопрос, который требует неотложного решения. Крайне неравномерное расселение людей на территории Российской империи, острый дефицит земли в западных и центральных губерниях, и такой же острый дефицит тех, кто выращивает хлеб, в губерниях восточных — все это должно побудить нас к быстрым, серьезным и точным действиям.

Это первое неустройство в крестьянском вопросе, требующее от нас немедленного решения. Вторым является то, что часть крестьян, оставляя пашню, должны стать рабочими еще не построенных наших заводов и фабрик. А из-за сплошной неграмотности они не способны этого сделать. Вот, Николай Иванович Путилов подтвердит, что у нас в России непросто найти не то что

инженера или мастера, но даже достаточно квалифицированного рабочего, токаря или слесаря. А нам через несколько лет потребуются десятки тысяч таких рабочих.

— Да, ваше величество, — кивнул Путилов, — вы совершенно правы. Я ума не приложу — что тут можно сделать. Квалифицированные рабочие потребуются нам очень скоро, и в большом количестве. На специалистов, завербованных за границей, у меня надежда небольшая. Их мало, да к тому же, я боюсь, что они будут больше стараться разузнать наши секреты, чем делиться своими.

— Извините, ваше величество, — сказал адмирал Ларионов, — Может быть, на первых порах стоит снять с Николая Христиановича эту непрофильную для него нагрузку и частично возложить ее на плечи армии, которую в наши времена не зря называли школой жизни.

При этих словах Николай Христианович Бунге с благодарностью посмотрел на адмирала Ларионова.

— Необходимо обязать взводных и ротных командиров обучать своих солдат грамоте, счету и письму, — продолжал адмирал Ларионов, — я знаю, что многие офицеры и без того в свободное время делают это. Но стоит сделать обучение грамоте подчиненных обязательным и ввести за это доплату к денежному довольствию.

Насколько мне известно, российское обер-офицерство получает скромное жалованье, и лишняя копейка им будет кстати. Это необходимо и для принятия на вооружение русской армии новых видов винтовок, и соответствующей тактики. Магазиновая винтовка, которая в ближайшее время появится у нас, потребует бойца нового типа, способного, получив приказ командира, самостоятельно сориентироваться на поле боя, отыскать и уничтожить врага.

Так что грамотность нижних чинов для русской армии это не роскошь, а необходимость. Кроме всего прочего, это форма начального этапа ликвидации

безграмотности, которая поможет уберечь русское крестьянство от различных нигилистических учений. Ну, а по выходу нижних чинов нашей армии в запас среди них можно будет проводить оргнабор рабочей силы для отечественной промышленности и транспорта...

— Орг... простите, что это? — не понял Ларионова профессор Бунге.

— Это — организованный набор, Николай Христианович, — пояснил адмирал, — то есть такая форма привлечения трудовых ресурсов, когда этим занимается специальная служба, контролирующая перемещение людей. Нам ведь совсем не нужны безземельные, безработные, праздношатающиеся бездельники, по сути являющиеся горючим материалом для всяких там бунтов и революций. Мы ни в коем случае не должны допустить люмпенизации русского крестьянства и бесконтрольного перемещения населения.

— Виктор Сергеевич, вы всерьез предлагаете вернуть крепостную зависимость? — спросил профессор Бунге. — Не станет ли это шагом назад?

— Не станет, Николай Христианович, — улыбнулся адмирал Ларионов. — Земля сама держит на себе мужика крепче любых цепей. Дайте крестьянину землю, и он с нее добровольно никуда не уйдет. Люмпенизированное крестьянство, оторвавшееся от своей общины и не нашедшее себе место в городе — страшная опасность для государства. Люди, при этом быстро теряют все положительные качества, имеющиеся у русских мужиков, не приобретая подобные же качества у мастеровых. Отсюда такое количество босяков, людей, занимающихся преступным промыслом, легко поддающимся антиправительственной агитации. Поверьте мне, именно эти такие вот люмпены станут в будущем заводами всех беспорядков и мятежей. И чем меньше их будет, тем спокойней и безопаснее будет жизнь в России.

А что касается крепостного права... Николай Христианович, то я бы посоветовал вам познакомиться с от-

четами фабричных инспекторов, которые наблюдают за тем, какие порядки господа промышленники вводят на своих заводах и фабриках для рабочих. Тут даже не возврат к крепостному праву, а к самому настоящему рабству, когда работодатель видит в рабочем не человека, а говорящее приложение к станку.

Некоторые из наших отечественных фабрикантов дали по сто очков форы легендарной помещице Салтычихе, которая в царствование императрицы Екатерины Великой замучила в своих имениях больше сотни крепостных. И одна из задач, которая будет стоять перед вами, уважаемый Николай Христианович, — это строжайшее пресечение нарушений трудового законодательства, которое само по себе, скажем прямо, довольно несовершенно. С людьми, готовыми за копейку умучивать ближнего своего, мы Великую Россию не построим.

В новых законах необходимо ограничить детский труд, ввести минимальную оплату труда, усилить ответственность промышленников, вплоть до уголовной за несоблюдение законов, касаемых техники безопасности на фабриках и заводах. Словом, сделать все, чтобы те крестьяне, которые решат выйти из своей общины, нашли для себя достойную и высокооплачиваемую работу на предприятиях Российской империи. Знаю, что работы здесь непочатый край, но кто говорил, что всем нам, присутствующим здесь, будет легко?

— Хорошо, Виктор Сергеевич, — кивнул император, — точнее, конечно же, в том, что сейчас происходит, ничего хорошего нет. А хорошо только то, что вы владеете имеющейся реальной ситуацией. Но что-то подсказывает мне, что не все будет так гладко. Если мы хотим сделать фабричную инспекцию лишь карательным органом, то ничего путного из этого не выйдет. Давать большую власть в одни руки — это недальновидно. Фабричные инспектора, даже если им будет назначено большое жалованье, не всегда смогут устоять перед

соблазном. Ведь наши промышленники, не в обиду вам будет сказано, господин Путилов, мастера давать взятки.

Александр III усмехнулся.

— Я полагаю, что передав фабричную инспекцию в ведомство Николая Христиановича и наделив ее надзорными и статистическими функциями, всю тяжесть борьбы с взяточниками, лихоимцами и казнокрадами надо возложить на другую организацию, которую еще предстоит создать по образу и подобию вашего, Виктор Сергеевич, югоросского КГБ. Предлагаю назвать это новое, подчиненное лично мне, ведомство ИСБ — Имперской Службой Безопасности.

Император обвел взглядом присутствующих и кивнул головой:

— Да, да, именно так, господа. Жандармы-то наши явно не справляются со своими обязанностями. Трагическая гибель моего отца тому наглядное подтверждение. Мы должны научиться бороться со шпионами, террористами, а также с теми, кто злоупотребляет своей властью на местах. Несомненно, что будущий состав этой службы будет комплектоваться как из сотрудников Департамента полиции и жандармерии, так и из имеющих к этой работе склонность армейских офицеров. Также я надеюсь, что ваше КГБ, Виктор Сергеевич, поделится с нами опытными сотрудниками.

— Да, ваше величество, — кивнул контр-адмирал, — разумеется, мы поделимся с вами нашими знаниями, опытом, сотрудниками и специальным оборудованием. Вы правы — хорошо организованная служба безопасности, как выразился бы господин Ульянов, должна надежно защитить безопасность России.

— Кстати, Виктор Сергеевич, — император повернулся к адмиралу Ларионову, — а что там с этим самым господином Ульяновым?

— Ваше величество, мы взяли всю семью Ильи Николаевича под свою опеку, — ответил Ларионов, — и надеемся направить кипучую энергию его детей в более

конструктивное русло. Думаем, что у нас все получится, ибо мы имеем дело не с закоренелыми негодяями, а с людьми, сбитыми с толку модой на нигилизм. В принципе, перед нами встает еще один вопрос, возможно, не менее важный, чем положение крестьянства и создание мощной промышленной базы.

Контр-адмирал сделал паузу, чтобы слушатели могли осознать только что им сказанное.

— Война дала России немало героев, — продолжил он, — которые могли бы стать достойным образцом для подражания для юношества. Конечно, в газетах были ярко расписаны подвиги этих храбрых воинов на поле брани. Но почти сразу же после окончания боевых действий о них почти так же быстро забыли. Надо найти способ запечатлеть их славные дела так, чтобы дети в Российской империи стали играть не в казаков-разбойников, а в макаровых и скобелевых, героев боев в Болгарии и на Кавказе.

Мы должны помнить, что будущие солдаты и офицеры новой Российской армии и флота сейчас пока еще ходят пешком под стол. Как говорил царь Македонии Филипп: необходимо двадцать лет готовить армию к войне, чтобы потом она все решила за один день...

Император утвердительно кивнул, и адмирал Ларионов продолжил:

— И вообще, нам надо серьезно заняться борьбой за умы нашей молодежи. Мода на нигилизм, отрицание всех и вся должны быть искоренены. Непорядок, когда образованные люди России выступают, пусть даже на словах, против властей своей страны и против своего народа. Это недопустимо.

— Что же вы предлагаете, Виктор Сергеевич? — спросил император. — Проблема сия, появившаяся у нас еще чуть ли не с Петровских времен, стара как мир.

— Да, — ответил адмирал Ларионов, — быстро решить эту, действительно, застарелую проблему, действительно невозможно. Но решать ее надо обязательно. С одной стороны, высылки и репрессии делают из